

Социалистическая ИНДУСТРИЯ

Он руководит крошечным театром марионеток в старом Тбилиси, со сцены которого разговаривает со зрителями о серьезных вещах. Критики еще размышляют, как заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР Ревазу Габриадзе удалось смешать все известные театральные жанры, вылепив нечто, не поддающееся определению, но очень привлекательное. Точно так же спорили о фильмах по его сценариям — «Не горюй!», «Мимино» и других, ставших привлекательными грузинского кино.

Реваз ГАБРИАДЗЕ:

«ИНТЕРЕСНО ГОВОРИТЬ О НЕОЖИДАННОМ»

— Реваз Леванович, вы всегда пишете прозу, но к читателю она почему-то приходит обычно в виде фильмов и спектаклей. Вас называют сказочником, усматривают в персонажах ваших фильмов что-то от

героев кукольных представлений. Отчего все это?

— Может быть, оттого, что я сначала все рисую, а уж потом пишу. Съёмки, как правило, занимали у меня массу времени, потому что приходилось

часто вмешиваться. Если что-то выглядело не так, как мечтал, — я брался за кисть и создавал нужный цвет и даже оттенки...

— А с чего все началось?

— Как у всех — с детства.

Жил в Тбилиси мальчик, много рисовал. Пришла пора — отправился сдавать экзамены в Тбилисскую академию художеств. При входе наткнулся на громадную скульптуру Аполлона, почему-то испугался, что заставят срисовывать именно Аполлона и... не стал даже подавать заявления. Но рисовать продолжал. Читал — и рисовал. Много книг проиллюстрировал просто так, «для себя». Объясняя иным непонятливым, что именно нарисовано, стал сочинять сказки. Это продолжалось довольно долго, даже когда я окончил Тбилисский университет и начал работать в газете. Приходившая судьба привела меня на высшие сценарные курсы в Москву.

Там учился у Каплера. Но попал к нему не сразу. Когда чудаковатого слушателя, который долго ничего не писал, собралось отчислить, Алексей Яковлевич попросил не торопиться:

— Он еще напишет!

— Вот и берите его себе!

Каплер взял и долго сомной мучился. Я по-прежнему много читал, мало говорил и донимал преподавателей — известных всему миру деятелей кино — вопросами типа: «А как снимать лошадь снизу?». Впро-

чем, большинство маститых профессионалов обладало хорошим чувством юмора и неплохими нервами. Да и им самим было интересней говорить о неожиданностях, чем заниматься отвлеченным теоретизированием. «Лошадь снизу? О, это очень интересно!» — и начиналось подробное, пересыпанное массой деталей и личных воспоминаний повествование.

Потом пришла пора дипломных работ — по моему сценарию Шенгелая снял «Необыкновенную выставку». Потом пришел Давелая с книгой Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен», дал почитать и попросил придумать, как все это можно было бы снять... И появился фильм «Не горюй!» Дальше были «Чудаки», «Мимино», десяток короткометражек. Интересно история одной из них. Студии «Грузия-фильм» срочно требовалось снять фильм, который бы не требовал больших затрат. Директор студии вызвал меня и попросил: «Придумай что-нибудь!» Я ответил:

— Рубль сорок!

— Что? — удивился директор.

— Два сачка для ловли бабочек стоят ровно рубль сорок!

...И через пять дней со сту-

дии буквально вылетела одночастевка «Бабочка». Лиричная и ироничная лента о том, как два немолодых дорожных рабочих увидели юную красавицу, ловящую на луку возле дороги бабочку, засмотрелись на нее, бросили свои занятия и попробовали ей помочь, увлеклись, но появился молодой человек, и красавица с ним ушла, а бабочку... так и не поймали.

Вскоре эту кинопритчу закупили десятки зарубежных телестудий.

— С чего начался театр марионеток, почему вас, «киношника», вообще потянуло к театру?

— Я очень люблю и даже коллекционирую прекрасные русские лубки. И театр марионеток начался с фильма-лубка, но уже грузинского — о бродяге, философе, поэте Кинто — одной из самых популярных личностей грузинского фольклора.

Пока мы снимали для Грузинского телевидения короткометражку «Сны Коджорского леса», я буквально влюбился в пластику марионеток и подумал, что, наверное, несмотря их любили такие непохожие друг на друга люди, как Гёте и Брехт, да и у Сервантеса Дон Кихот по ним с ума

сходит. Так родилась мечта — создать в Тбилиси театр марионеток.

— Теперь она сбылась...

— В какой-то мере... На предельном близком расстоянии от зрителя делиться с ним мыслями, которые не на один день, — и заманчиво и страшновато.

Два года работы укрепили меня в убеждении, что никогда не стоит поучать людей ни от своего имени, ни от чужого. Иначе получится «плохое кино». Кстати, первым шагом к театру был спектакль «Бриллиант маршала де Фантье» — веселое шоу, в котором играли выпускники театрального института. Что получилось? Аншлаг сначала в учебном театре, а затем и в театре марионеток, открывшемся этой пьесой. Сейчас, кроме «Бриллианта», «Альфреда и Виолетты», у нас в репертуаре моя пьеса «Веревочка». Собираемся ставить тургеневские «Вешние воды».

А вообще хорошо бы иметь возможность время от времени уходить из литературы в кино, из кино в драматический театр, оттуда в оперу, а потом обратно в кино.

Беседу вел
М. КАЗАКОВ.

ТБИЛИСИ.